

Происхождение современной России

Казимир Валишевский

Первые Романовы

«Public Domain»

Валишевский К. Ф.

Первые Романовы / К. Ф. Валишевский — «Public Domain»,
— (Происхождение современной России)

Историческое сочинение «Первые Романовы» польско-французского историка Казимира Валишевского на сегодняшний день является одним из наиболее увлекательных изложений истории России в период становления династии Романовых, созданных историком-иностранцем. Текст произведения представлен в новой редакции и в современной орфографии.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	8
Глава первая	8
Глава вторая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Казимир Валишевский

Первые Романовы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая здесь работа заканчивает собою общий обзор начального периода истории современной России и должна служить как бы введением к моим прежним сочинениям. Она завершает собою также цикл монографий, более детальных, хотя, конечно, и неполных, в которых я пытался изложить русскую историю в течение трех веков, от Ивана Грозного до Екатерины Великой.

Мне уже заметили, одни в виде порицания, другие в виде похвалы, что на этом длинном пути я часто делал отступления, так сказать, шел зигзагами. Причину этого я уже объяснял, но и теперь считаю своим долгом опять извиниться. Я делал, что мог и как мог. Двадцать лет тому назад я не располагал теми источниками, которые позволяли мне потом приступить к исследованию этих отдаленнейших эпох прошедшего, к тому же недостаточно исследованного. Начиная с конца и рисуя моим читателям сначала обольстительный образ Екатерины, я однако был чужд всякой задней мысли. Если кто, предполагая противное, хотел сделать мне комплимент, то я его не заслужил.

Обнародование моего предыдущего сочинения, посвященного смутной поре конца шестнадцатого и начала семнадцатого веков, случайно совпало со взрывом нового революционного кризиса. Другое совпадение (а я о нем совсем и не думал), придаст этой работе вид кажущейся современности. В 1913 году династия Романовых будет праздновать трехсотлетие своего воцарения. Чтобы возбудить и привлечь наше внимание, первые шаги этого знаменитого дома не нуждаются в таких ссылках.

В эпоху его выступления совершились события, которым еще и до сих пор не перестают обуславливать внутреннюю и внешнюю жизнь великой северной империи. По меткому выражению Ключевского, современный русский человек, подходя к этому периоду национальной истории, испытывает такое впечатление, как будто бы читает свою автобиографию.

В семнадцатом веке мы имеем все еще Московское государство, но уже его эксцентрическое ядро на финской земле начинает расти и распространяться по всем направлениям, начинает создаваться та великая, огромная Россия, которую мы знаем. В этом семнадцатом веке оканчивается дело «великих собирателей земли русской». Наследники распавшейся монархии первых Рюриковичей снова захватывают вместе с древнею столицею, Киевом, значительную часть наследия Владимира. В течение своей вековой борьбы с Польшею за владение этими областями и за гегемонию в славянском мире, новая зарождающаяся Россия берет решительный перевес над своею западною соперницею и в то же время достигает на востоке берегов Тихого Океана. Она переходит окончательно в ряды великих европейских и азиатских держав.

Исполняя подобную задачу, стремясь отчасти облегчить ее, оправляясь после недавних погромов, упрочивая наиболее важные учреждения, развивая свою политическую мощь, древне-московское государство попутно освобождалось от некоторых слишком архаических черт сего прошлого. Оно вступает в сношения с западною цивилизациею, претворяет в себе ее первоначальные элементы и так сказать предвосхищает и подготавливает во многих пунктах реформаторскую деятельность Петра Великого.

В то же самое время замечаются глубокие изменения в социальной и экономической жизни, обнаруживающие характерные черты современного режима. Старинная аристократическая форма управления страню уступает место все возрастающей дифференциации социальных классов. Правящее «боярство» теряет одну за другою свои привилегии и свою полити-

ческую диктатуру, претворяясь в новый привилегированный класс дворян с более широкою и существенно демократическою базою. Зарождающаяся промышленность дает толчок возникновению третьего сословия. Но, подчиняясь невольно противоречию, составляющему исторический закон этой парадоксальной судьбы, демократическое движение повело совсем не к эмансипации, а к политическому и экономическому порабощению заинтересованных классов. Обращение дворянства в роль правящего класса повлекло за собою превращение свободных крестьян в крепостных. Политическое же влияние, приобретенное новым привилегированным классом, имело тенденцию превратиться во власть бюрократическую. Расцвет буржуазии был остановлен экономическим режимом, который в интересах государства возложил на нее все тягости барщины. Государство, в свою очередь, стремится основать свое всемогущество и свою силу не на свободном развитии, а на возможно полном порабощении всех классов.

Целый ряд потрясающих драм сопровождал эту эволюцию: борьба церкви со светскою властью, сопротивление клнсервативных инстинктов новым веяниям, борьба совести за свою свободу, ряд кровавых войн, бунтов и возмущений. Именно в эту эпоху, дойдя до своего апогея, своеобразная казачья вольница совершает свои последние великие подвиги, и в ту же пору родился из моря крови раскол к той интенсивной жизни, которая воодушевляет его и в наши дни.

На этой сцене, полной трагических событий, появляются актеры, достойные предназначенной для них роли. Наряду с патриархом Никоном, мощною личностью и творцом церковной реформы, достигает почти эпического величия, выступая на защиту прежних верований, простой поп Аввакум. А сколько еще других фигур ярких, характерных, героических или трогательных стоят рядом с ними: Стенька Разин, атаман возмутившихся донских казаков, колеблющийся между завоеванием Москвы и Тегерана, Богдан Хмельницкий, глава восставших днепровских казаков, пытавшийся восстановить для себя старинное киевское княжество, и совершенно в других рамках, в недрах родившегося раскола святая, блаженная, по выражение Аввакума, Федосья Морозова.

Михаил Феодорович становится робким основателем династии, но ему помогает, разделяя с ним власть, его отец, невольный монах, импровизированный патриарх и регент на правах отеческого авторитета, являясь чем-то вроде московского Ришелье – фигура чрезвычайно интересная. За ними же следует второй Романов, отец Петра Великого, на которого нельзя не обратить внимания, как на одного из наиболее высоконравственных монархов всех времен и народов.

К этим интересным фактам необходимо прибавить еще один. В XV и XVI столетиях лишь намеченные, стертые в XVII веке европейской культурой, характерные черты московского типа теперь, как раз накануне своего исчезновения, достигают своего полного развития, так что их можно уловить и запечатлеть.

Между тем даже в России эта эпоха до сих пор не явилась предметом какой-либо цельной работы, за исключением общей истории Соловьева, которая теперь во многих отношениях устарела, да и, по политическим мотивам, автор ее не мог произвести достаточно тщательного исследования. Такое же исключение представляет собой и недавно опубликованная третья часть курса истории Ключевского, мастерский труд, ограничивающийся однако общими положениями и предполагающий основательное знакомство с предметом. Даже царствование Алексея ожидает своего историка после труда Берга, появившегося в 1831 году и не имеющего уже научного значения.

Наш труд и должен восполнить этот пробел. Я не осмеливаюсь сказать, что он будет восполнен целиком, но все-таки надеюсь, что мне здесь удалось не без некоторой пользы дать несколько общих взглядов и определенных данных.

Что касается частных, то русская литература собрала для этой эпохи достаточно материала в виде монографий и обнародований различных документов. Я использовал их, стараясь

их дополнить по мере сил. Так как история России сталкивается во многих местах, особенно в Украине, с историей Польши, то я должен был черпать материал и в польских источниках и даже в малорусской литературе, обогащенной недавно важными работами Грушевского, ставшими частью доступными и европейской публики благодаря немецкому переводу.

Вновь приношу свою благодарность всем тем, кто на протяжении двадцати лет старались помочь выполнение моей задачи. Почти в то самое время, как я оканчивал свою работу, отошел в вечность Иван Иванович Щукин, мой друг или скорее почти сотрудник, поскольку я очень часто и всегда с пользою для себя прибегал к помощи его богатой библиотеки и его обширной эрудиции.

И с чувством глубокой скорби выражаю я последнюю дань признательности на его преждевременную могилу.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Глава первая Основатель династии. Михаил Феодорович

І. Первый Романов

Восшествие на трон первого Романова, положившее конец Смутному времени, послужило блестящим опровержением народной пословицы, по которой для приготовления заячьего рагу необходим заяц. История, кажется, не знает другого примера образования политического влияния при подобных условиях. Перед нами дворянская фамилия, хотя популярная, но не очень древняя, и пережившая целый ряд испытаний; отец нового государя находился несколько лет в опале и испытал ряд самых удивительных приключений. Он был пострижен в монахи в монастыре, превращенном в тюрьму. Он был, наконец, заложником в руках поляков. Перед нами и его мать, также вынужденная принять схиму, вместе со своим сыном жертва всех бедствий внешней и гражданской войны, гонимая с места на место и думающая только о том, чтобы ее и сына оставили в покое...

И из всего этого на заре семнадцатого века в московском государстве, доведенном до крайней нищеты, и создались национальная династия и сильная власть.

Дело походило на безумное пари. Я уже указал в одном из предыдущих сочинений,¹ вследствие какого стечения обстоятельств оно состоялось. Теперь я постараюсь показать, как оно было выиграно.

Один голландец, живший в то время в Москве, выражал уверенность, что у Михаила было одно средство, чтобы удержаться на троне, а именно: подражать Грозному и «купаться в крови по горло». Однако он ошибался.

Первый Романов напротив был мягким и безобидным правителем.

Он, впрочем, и не думал вовсе быть государем. Сначала он положился на своих окружающих, т. е. на родственников своей матери, Салтыковых, и на саму царицу Марфу. Первые представляли собой пособников очень сомнительного качества. Способные только на интриги, заботясь лишь о захвате мест и богатства, они чуть ли не с первых шагов вносили в дело смуту и опасность. Мать уже по одному тому, что была матерью, оказалась более полезной.

Она положительно вырвала своего ребенка у авантюристов-избирателей, желавших «упокоить его на ложе трех недавно убитых царей»; с такою же энергией она потом защищала его против принятия на себя риска управления. Судя по дошедшему до нас портрету, ее суровые очи под густыми бровями, большой властный орлиный нос и тонкие губы указывали на личность своевольного характера. Изгнание, монастырская жизнь, долгие лишения, беспрестанные заботы и жестокие обиды еще более закалили и ожесточили ее темперамент. Она начала с того, что смело положила свою руку на сокровищницу прежних цариц. Она воспользовалась этой добычей, чтобы окружить себя людьми, послушными ее словам, всегда бдительными шпионами и преданными воинами. Так, во всеоружии, пошла она навстречу событиям.

¹ См. «Смутное время».

Все это еще не было правительством, как и установление новой династии. Собор, т. е. учредительный и избирательный сейм, соединил на время в своих руках всю власть за отсутствием другого органа. Ее и не отнимали у него. В 1615 году по неизвестным нам причинам лишь изменился состав Собора, посредством новых выборов. Потом был распущен в свою очередь и этот второй Собор, были созваны другие в промежутки, до сих пор еще точно не определенные, но по-видимому почти не нарушавшие в первые годы нового царствования фактической непрерывности участия Собора в управлении.²

Практика парламентского режима не выработала здесь никакого точно определенного принципа, и хотя условия, принятые Михаилом, и расширяли в некоторой степени компетенции «избранных народа», однако по своей неопределенности допускали всякие компромиссы.

Восстановленный совет бояр, Дума, функционировала наряду с собором, играя в эту минуту слишком неблагодарную роль, чтобы стать предметом вожделений.

Естественный порядок деятельности здесь часто нарушался. Так, в 1614 году Дума, орган скорее административный, передала выполнение выработанных в отношении к казакам мер Собору, органу уже законодательному, который не участвовал в выработке решения! Немного позже англичане, обратившись к Думе за разрешением некоторых коммерческих привилегий, получили, однако, ответ, что такие вопросы не могут быть впредь разрешены «без представителей всего Государства».

Нам неизвестны точно условия конституционного договора с Михаилом. Однако более чем сомнительно, чтобы этот документ содержал в себе оговорки подобного рода.

.....
Следуя традиции, преемник Михаила, Алексей еще продолжал созывать Соборы и даже поручал им выполнение текущих дел, но уже при Михаиле, в 1642 году, когда собрание высказалось в громадном большинстве за окончательное присоединение Азова, захваченного казаками у татар, царь принял в конце концов противоположное решение.³

Здесь были необходимы выдающиеся государственные люди для того, чтобы разобраться в сложных фактах, явившихся последствием крайне сложного кризиса. А приближенные Михаила были, напротив, люди грубые, невежественные, в корне деморализованные, необузданные и спорщики. Между ними постоянно разгорались споры и раздоры, даже в присутствии государя, и после взаимных оскорблений они обыкновенно переходили к драке. Государь не принимал однако никаких мер для смягчения этих варварских нравов. В присутствии всего двора из-за какого-то ложного обвинения против князя Гагарина по приказанию царя простой секретарь (дьяк) Думы дал пощечину дворянину Леонтьеву. За проступок подобного же рода другой дворянин, Чихачев, получил ряд палочных ударов.

Такие люди не были созданы для того, чтобы направить свое отечество по новому пути. Удивительно, что Марфа, ее сын и те, что служили при них правительством, могли при подобной обстановке справиться с трудностями момента.

Они были ужасны.

II. Наследие Смутного времени

Преодоленный лишь наполовину, долгий кризис поверг страну в состояние анархии и ужасающей нищеты. Разграбленные деревни, разрушенные города, социальные классы в полном разложении; всюду хаос и запустение. В течение десяти лет крестьяне и горожане не переставали убегать из своих разрушенных жилищ, оставляя поля необработанными, и великое

² Сергиевич в «Собрании политических наук» Безобразова, т. II, стр. 23–24, прим.

³ Сергиевич. Соборы, указ. место, т. II, стр. 41; Чичерин. Народное представительство, стр. 557.

переселение все еще продолжалось. Хотя неприятельские войска и были отброшены, но вся страна подвергалась еще нападениям отдельных шаек, польских партизан, казаков и мародеров.

Марина и Заруцкий еще держались, и я уже указывал на то, как они продолжали еще преследовать свои несбыточные мечты и свою безумную авантюру до июня 1614 года.⁴

Даже после захвата этой парочки и после смерти сына Марины нельзя еще было сказать, что смута подавлена и что ослушники всякого рода, восставшие против всякого проявления политического или социального порядка уничтожены. Они продолжали бороться под предводительством других популярных и смелых начальников: Захария Заруцкого, Янко Баловня и др. Изгнанные из центральной области, они хозяйничали в северных областях, от Холмогор до Архангельска, от Ваги до Каргополя, совершая там самые ужасные грабежи, увеличивая число самых гнусных эксцессов. Так, они набивали порохом рот и уши своих жертв и подкладывали туда огонь. И истощив все усилия, Собор в сентябре 1614 года не придумал другого средства, как послать для увещания этих разбойников нескольких священников! Баловень исполнился новой смелости, отступил к югу и угрожал некоторое время Москве.

Не было войска; то, которое изгнало поляков, представляло собой лишь милицию, всегда готовую разбежаться на следующий день после победы. Из нее уже не оставалось ни одного человека. Не было денег для улучшения военной организации, уже слишком архаической, находившейся в полном разложении. Любопытно следующее, и в этом обнаруживается, насколько сильны некоторые традиции даже там, где их менее всего можно было ожидать: чтобы пополнить недостачу в государственном казначействе, Собор и Дума не нашли ничего лучшего, как испросить прибавления в области доходов потребления спиртных напитков. Было увеличено число кабаков, и государственный фиск ревниво оберегал там право своей монополии.

Но для того чтобы пить водку, расточаемую даже официальными Ганимедами, необходимо было иметь, чем за нее платить. И когда выяснилось, что этот род промышленности не даст достаточно много прибыли, в 1615 и 1616 годах Собор учредил чрезвычайную подать, носящую название «пятины». Это был налог на доход в размере 20 %. Еще добавили подать в 120 рублей за соху, представляющую собою земледельческую и податную единицу, размер которой очень трудно учесть. Мы к ней еще вернемся. Одна фамилия, Строгановы, крупные торговцы и не менее крупные собственники, должна была уплатить 56 000 рублей, громадную сумму по тому времени. Впрочем, они были единственными богачами в целом государстве.

Не одни только Заруцкий и Баловень угрожали Москве. Поляки были уже выгнаны из Московского государства, но Владислав оставался еще избранным царем Москвы и не отказывался от своих прав. С другой стороны, шведы обосновались уже в Новгороде, и брат Густава-Адольфа, принц Филипп, заставил себя признать там государем, высказывая при этом явное намерение присоединить все остальное к этой части распавшегося государства. Наконец, отец Михаила оставался еще в плену.

Первою заботою новых правителей явилось заключение мира с Польшею и освобождение Филарета. Однако достигнуть этого было далеко не легко. Денис Аладьин, посланный с этою двойною целью 10 марта 1613 года в Варшаву, очутился в затруднительном положении, не зная, с кем и от имени кого ему действовать. Король Польский признавал царем лишь своего собственного сына. Сам Михаил даже присягал этому государю! Для того чтобы освободить Филарета, Аладьин предложил обмен пленными, но в московских тюрьмах не оказалось ни одного поляка, так как почти все были задушены!

Сигизмунд даже не соблаговолил отвечать на эти предложения. Польский сенат оказался более сговорчивым. Ему также было над чем призадуматься в финансовом вопросе: польским

⁴ Смутное время.

войскам очень мало или почти ничего не платили, и они потому занимались добыванием себе жалованья на собственных же землях, с помощью грабежа и хищения.

Но у короля оставались еще личные средства, на которые возможно было нанять наемников, и благодаря этому враждебные действия приняли, когда возобновились, благоприятный оборот для московского государства. Здесь особенно сильно чувствовалось полное истощение, а плохое состояние военного дела усугублялось еще плохим подбором командовавших лиц.

Главную оборону страны составляли укрепленные города, но они оставались почти без всякой защиты. Летописи Углича, например, говорят о сломанных мостах, пробитых башнях, засыпанных рвах; из числа гарнизона шесть артиллеристов умерло от голода; ни пороха, ни хлеба, и почти полное отсутствие жителей.

Командование передавалось, кому попало: два князя, Андрей Хованский и Иван Хворостинин, спорили о местничестве при распределении обязанностей, и из-за споров забыли о неприятеле.

В июле 1613 года неприятель подошел к Можайску и Калуге, где герой войны за независимость, знаменитый князь Димитрий Пожарский заболел от истощения, померявшись силами со знаменитым Лисовским. Переходя с места на место с фантастической быстротой, делая до 150 верст в день, проходя, как тень, между Можайском и Вязьмою, потом между Владимиром и Муромом, и тотчас же между Тулою и Серпуховом, неуловимый со своею горстью неутомимых кентавров, этот партизан передал потом свое имя банде, прославившейся на германских полях во время тридцатилетней войны.

Враждебные действия и с той и с другой стороны не привели ни к какому решительному результату, – тогда перешли к переговорам. В Варшаве появились новые московские посланники с доверительными грамотами от Собора, причем в них подпись Михаила красовалась на четырнадцатом месте наряду с именами бояр. Дошли даже до этого! Если бы посланные рискнули произнести имя царствующего государя, против этого протестовал бы сам Филарет: не он ли был сам уполномочен Собором для того, чтобы добиться согласия Сигизмунда на царствование его сына? Посланные апеллировали к воле Бога, решившего дело иначе.

– Ну, вот еще! – возразили им поляки, – это донские казаки задумали создать себе государя из вашего поповича!

– А что за царь был бы ваш Владислав? – заметили москвичи. – Он думал управлять нами посредством кожевника, Федьки Андропова.

– А вы решили его заменить мясником Мининым.

Напрасно посланник императора, Эразм Ганделиус, старался взять на себя посредничество. Император сам не решался признать соперника Владислава и, когда другие московские посланники заявили в Вене, их отослали обратно с письмом, обращенным к одним только боярам. В нем имя Михаила даже не упоминалось.

Эти посланники во время их миссии наводили ужас и были предметом насмешек всей Германии: в Гамбурге они покушались на невинность одной англичанки из хорошего общества; в Гааге, в гостях у казначея, они пытались растлить его дочь. В Вене император, оскорбленный другими выходками подобного же рода, приказал отобрать от них дарованные им золотые ожерелья, украшенные его портретом.⁵ В июне 1616 г., после новых многочисленных попыток, предпринятых во всех европейских дворах, щедрая раздача соболей, частью которых милостиво согласились воспользоваться советники Матфея, доставила даже самому ловкому из московских дипломатов, Лукьяну Мясному, лишь словесные обещания: Император не будет помогать Польше и предложит ей даже заключить мир.

Лишь Голландия, только что окончившая войну, оказала надоедливый ходатаям гостеприимство, за которое те отплатили, как мы видели, только одними гнусными поступками.

⁵ Соловьев. История России, т. IX, стр. 72.

Англия обещала свою поддержку против Швеции, но ставила взамен этого довольно неопределенные условия: свободное плавание по Волге для торговли с Персией, по Оби, для поисков пути в Индию и Китай, право свободной эксплуатации Новой Земли и позволение заниматься горным промыслом в бассейне Сухоны... Не захотела и Турция напустить татар против поляков, так как она была занята походом на Персию, а татары ей жаловались, что донские казаки получают из Москвы подмогу провиантом и деньгами для постоянных набегов на Азов. Только одна Персия, желая добиться прощения за ее недавние связи с Мариной и Заруцким, вняла призыву и торжественно раскрыла свою сокровищницу в распоряжение «Белого Царя». Но из ее серебряных слитков удалось лишь получить 7 000 рублей.

Этого было недостаточно для продолжения войны на два фронта. Здравый инстинкт советников Михаила побудил их сначала покончить с самым страшным из обоих противников, с которым приходилось сражаться.

III. Мир со Швецией

Густав Адольф, подходя к положению с той же верностью взгляда, не колебался по поводу той пользы, какую он мог извлечь из положения. До избрания Михаила он делал вид, что поддерживает притязания брата. После этого события, продолжая военные действия, даже лично предводительствуя при взятии Гдова (в сентябре 1614 г.) и подготавливая осаду Пскова, он тем не менее дал своим уполномоченным приказание заключить договор с новым царем: он решил удовольствоваться одною Балтийскою империей. В июле 1615 года, лишившись под стенами Пскова лучшего из своих генералов, Еверта Горна, он ускорил переговоры, окончательно состоявшиеся в Дедерине под Хвостовым, причем посредниками явились английский агент Джон Мерик с голландскими послами.

Один из последних, Антоний Гетеерис, оставил нам мрачное описание состояния страны: в пустынной равнине кучи пепла указывали места сожженных деревень, кое-где лишь попадались полуразрушенный монастырь или изба, вход в которую был закрыт целою кучею мертвых тел...

Как и всегда, при встречах подобного рода, между москвитями и западными людьми соглашению предшествовал ряд праздных разговоров и оскорбительных речей. Опираясь на трактат, передававший Швеции Карелию в обмен на отряд вспомогательного войска, отданный царю Шуйскому, шведы требовали возвращения этой области.

– Но ваши солдаты изменили нам!

– Вы им не платили!

– Молчи, Яков Делагарди, ты получил деньги, но ты положил их в карман.

Эти и без того затруднительные переговоры, прерванные после подписания простого перемирия, затем продолжавшиеся при помощи переписки и вновь возобновленные в Столбове, осложнились еще притязаниями Москвы на военную помощь со стороны Швеции против Польши. Наконец, 27 февраля 1617 г. был подписан вечный мир. Добившись вместо желанного союза восстановления Новгорода и отказа Филиппа от наследия Рюрика, москвиты дешево отделались от большой неприятности. Они уступили только свои весьма сомнительные права на Ливонию и Ингрию и несколько местностей: Ивангород, Ямбург, Орешек, Нотебург, Кексгольм (Шлиссельбург). Но зато, как это указал Густав-Адольф в своем торжествующем письме к матери, эти места представляли собою ключи к Балтийскому морю, те самые пункты, для захвата которых, одним веком позже, должен был напрочь свои усилия Петр Великий.⁶

⁶ Geijer. Svenska Folkets historia, т. II, стр. 96–97. Сравни. Forsten. La Question de la Baltique, т. II, стр. 418 и сл., 134 и сл.

Основываясь на праве взаимной торговли, шведы, кроме того, снова открыли свои старые конторы в Новгороде, Пскове и Москве, уступив в свою очередь те же привилегии москвитам в Ревеле и распространив их на Выборг и Стокгольм.

В этот союз вошел таким образом Новгород, отказавшись, без большого труда, от своей мечты об автономии, в которую сумели внести некоторое разочарование шведы. Всеобщая амнистия, дарованная городу, и торжественное перенесение в его стены чудотворной иконы Божией Матери, взятой из соседнего монастыря в Тихвине, освятили восстановление прежнего порядка.

Англия совершила неудачный торг в таком договоре. Когда Джон Мерик потребовал уплаты за свои добрые услуги, ему указали, что дорога в Персию по Волге несколько ненадежна из-за разбойников, что путь в Индию и Китай по Оби недоступен из-за льдов, загораживающих почти постоянно эту реку, и что кроме того Китай небольшая и небогатая страна.⁷

И этот честный посредник должен был удовольствоваться золотым ожерельем, из которого не был вынут царский портрет, и мехами, среди которых, наряду с очень редкими соболями, было обидное количество сибирских белок.

Но еще меньше мог поздравить себя с таким событием другой противник Москвы.

IV. Перемирие с Польшею

Польша между тем упустила драгоценное время. В ноябре 1616 года одному из ее лучших полководцев, Александру Госевскому, удалось снять блокаду со Смоленска, заставив при этом быстро отступить московских воевод Михаила Бутурлина и Исаака Ногожева, но вотированная сеймом отправка большой армии в поход оставалась лишь в проекте ввиду отсутствия достаточных средств. В апреле 1617 года Владислав, рискнув выступить по дороге в Москву с каким-нибудь десятком тысяч войска, должен был вернуться в Варшаву для получения подкрепления, и только в сентябре появился снова под стенами Дорогобужа. Среди его приближенных находилось несколько выдающихся москвитян, – Михаил Шеин, князь Георгий Трубецкой, – и присутствие их, без сомнения, побудило местного воеводу, Ивана Ададунова, сдать город и присоединиться к польскому царю со всею местною знатью.

В свою очередь и Вязьма открыла ему ворота, и Владислав тотчас же послал в Москву манифест о своем скором прибытии, вместе с патриархом Игнатием – поставленным первым Лжедмитрием (плохая рекомендация!), который должен был благословить его на коронацию.

Посылая такого рода заявление, Владислав не принял во внимание двух препятствий, которые могли встать на его пути: зимы, которая вскоре должна была прекратить военные действия, и недостатка денег, не позволявшего возобновить их ранее июня следующего года. Можайск и Борисов были эвакуированы к тому времени приказом из Москвы. Там царил страшная паника, и доступ в столицу, казалось, был открыт. Но у Владислава было слишком мало людей с собою; он хотел подождать прибытия 20 тысяч казаков, которых вел к нему малорусский гетман Конашевич, испытанный вояка. Взяв приступом переход через Оку и расстроив попытку московского гарнизона помешать его соединению с поляками, храбрый солдат совершил все, что мог, но в это время первые холода суровой зимы дали снова себя почувствовать.

Владислав не потерялся, и Москва уже думала, что возобновляются страшные дни Тушина. Польский король расположился лагерем в том самом месте, где разбил свою палатку

⁷ Соловьев. История России, т. IX, стр. 118. О трактате см. в полном Своде Законов, т. I, стр. № 19, Собрание государственных грамот и договоров, т. III, стр. 34, 35. Акты исторические, т. III, стр. 284. Добавления к Актам историческим, т. I, стр. 160, 162, 164, 166, т. III, стр. 3, 4, 11, 12, 14, 20, 21, 32, 42, 44. Ср. The present state of Russia. т. II, стр. 266—9. Соловьев, прив. место т. IX, стр. 114 и сл.

второй Лжедмитрий. Но положение не было таким же. Поляки могли тогда войти в Кремль без выстрела, они казались все же лучше Тушинского Вора. Владислав же видел необходимость осады, и полная неспособность находящихся под его командою воинов к этому виду операций обнаружилась. Неудачные наступления, суровое время года и неповиновение войск быстро пробили дорогу к новым переговорам.

Когда поляки, желая всячески отклонить затруднение, вызываемое титулами, стали называть Михаила: «кого вы называете теперь вашим царем», соглашение быстро состоялось. Москве был большой расчет пойти на соглашение.

Столица твердо держалась, но члены сейма в Польше были расположены к голосованию за выделение больших субсидий. Конашевич и его запорожские казаки протестовали против мира, донские высказывали желание их поддержать, наконец, повешенный вместе со своею матерью сын Марины, как рассказывали, вышел из могилы, после чудесного спасения, и получил приют у Киевских монахов.

Правда, 15 февраля 1619 года в деревне Деулине, по соседству с Троицей, не могло состояться соглашение по поводу условий прочного мира, — было лишь заключено перемирие на четырнадцать с половиною лет. Могло показаться, что Москва заплатила за него очень дорого; со Смоленском, Белым, Дорогобужем и доброй дюжиной других местечек она отдавала всю линию своей защиты на западной границе. И такую цену она даже не добыла отречения Владислава от титула, оспариваемого им у Михаила. Но на деле Польша потеряла значительно больше: для нее была потеряна последняя возможность использовать спор, тянувшийся с шестнадцатого века с ее соседкою, за гегемонию в славянском мире.

Теперь уже становилось ясным, что раз Владислав отступил из Москвы, не добившись наследия Рюрика, Варшава станет однажды добычею других претендентов, которых он оказался не в силах отразить.

Это отдаленное последствие ускользало от предвидения деятелей этой эпохи, потому что они не замечали настоящей причины странных поворотов счастья, постоянно мешавших в этом трагическом поединке одной из соперничавших держав собрать плоды самых решительных удач, а с другой стороны дававших возможность ее конкуренту оправиться после самых тяжких поражений.

Они никак не могли учесть значения сил, пущенных в данном случае в ход: с одной стороны молодой народ, плохо еще установившийся, но в полном росте, в полном соку, и, как по темпераменту, так и по привычкам, прошедший самую суровую дисциплину и принеший самые тяжелые жертвы; с другой стороны нация преждевременно состарившаяся и как бы зачахшая в душливой атмосфере политической борьбы, где вся ее энергия и все способности совершенно односторонне гипертрофировались, и вместе с мужественной решимостью исчезло и сознание долга.

1 июля на маленькой речке Поляновке закончился обмен пленными, воротивший Польше лишь несколько калек и отдавший Москве отца ее государя. 14 того же месяца, идя пешком впереди праздничного экипажа, — саней, на которых, несмотря на время года (таково требование этикета), восседал Филарет, — Михаил вернул торжественно в столицу освобожденного «заложника».

Что делать с этим священнослужителем? История не дает прецедента такого отца, в клубе, и коронованного сына. К счастью, после смерти Гермогена, которого поляки будто бы умили голодом, патриарший престол оставался свободным: Игнатий не принимался в расчет. И Филарет сделался патриархом. Он не получил никакого религиозного воспитания, и вкусы его были довольно светскими. Но даже на Западе в эту эпоху не считались в подобных случаях с такими препятствиями, и Филарет мог идти по стопам Ришелье, хотя и не обладая тем же гением, но вдохновляемый тем же честолюбием. Церковь и государство одинаково нуждались в главе, и последнее не менее первой выиграло от этого события.

Глава вторая Реставрация

І. Двуглавое правительство

Двуглавый орел, принятый Московскими царями после брака Ивана III с последнею из Палеологов, получил в этот момент совершенно другое, непредвиденное, символическое значение. Имея одного лишь царя, государство тем не менее управлялось двумя государями, и отношения, установившиеся с первого же часа между отцом и сыном, поддерживались очень мирно к общему их благополучию.

Семейный принцип, так сильно развитый в этой среде и представлявший, несмотря на некоторые эксцессы, особенно ценную моральную связь, устранял всякий конфликт. У Филарета было то, чего недоставало Михаилу, чтобы фигурировать с некоторым достоинством в роли управителя, или даже пытаться фигурировать в качестве такового: честолюбие, любовь к власти, жизненная опытность, определенное умение схватывать вещи благодаря той же опытности и чувство авторитета. Бразды правления совершенно естественно перешли в те руки, которые были всего более способны их держать.

Необходимо решительно отбросить возникшую по этому поводу гипотезу о государственном перевороте.⁸ Свидетельства эпохи положительно противоречат этому.⁹ Тут даже не существовало никакой возможности узурпации власти. Начиная со смерти «Грозного», благодаря неизбежным ограничениям, которые самый способ восшествия на престол доставил его преемникам, прогрессивное ослабление самодержавия клонилось чуть не к полному от него отречению. Этой фикции абсолютного самодержавия совершенно парадоксально противопоставлялась такая же фикция свободных учреждений, возникших в эпоху смуты.

И последняя фикция создала между ними пропасть, которую не были в состоянии восполнить ни Собор, ни Дума. В самом деле, необходимо было вновь создать правительство, и так как Михаил и не думал взять на себя подобную задачу, за нее взялся Филарет, подготовив почву для своего внука.

Отношения сына к отцу, отличавшиеся большою нежностью и принявшие характер почтительного уважения, были особенно кстати в данном случае.¹⁰ Они позволяли им даже официально сообща управлять. Отец участвовал в большинстве решений. Если какое-либо из них не встречало его предварительного согласия, оно или отменялось, или исправлялось.¹¹ Когда Филарет отсутствовал, Михаил сначала всегда спрашивал его мнения, постоянно сообщая ему обо всех текущих делах. «Как ты об этом думаешь?» писал тогда патриарх, «помоему»... И данное им указание исполнялось.

Даже в официальном протоколе удваивалась верховная власть и титул «великого государя» – соответствующий «Его Величеству» – одинаково прилагался и к отцу и к сыну. Иностранные посланники представляли им обоим свои вверительные грамоты и свои подарки на основании церемониала, установленного еще Борисом Годуновым в эпоху его власти. А между тем Ришелье так и не смог добиться этого от своего равнодушного государя. Несмотря на изоляцию, в которой обреталась в эту эпоху Москва, нет никакого сомнения, что пример всемо-

⁸ Fockerodt. *Russland unter Peter dem grossen*, стр. 23.

⁹ Письма русских государей, изд. Комиссии Государственного Архива, т. 1, п. 14, 17, 21, 36, 37, 40, 55, 185, 267, 369, 378.

¹⁰ Попов. *Собрание*, стр. 306 (летопись архиепископа Пахомия). Ср. Ключевского. *Боярская дума*, стр. 547.

¹¹ *Собрание государственных грамот и договоров*, т. I, п. 25, 231, т. III, п. 52, 55, 58, 64.

гущего кардинала отчасти способствовал установлению этих отношений. Моральная непроницаемость народов, даже наименее поддающихся внешним влияниям, никогда не бывает безусловной.

А вдовствующая царица! После нового появления на сцену ее мужа, которого она уже потеряла и не была в состоянии снова заполучить, роль ее оказалась сыгранной. Если бы они не были по жестокой игре судьбы, перевернувшей все их существование, монахом и монахиней, Филарет отправил бы ее в терем. Став теперь патриархом, он послал ее в монастырь. А вместе с ней пали и ее докучливые родственники, которых она выдвинула вперед, хотя они и более старались защищать завоеванные места свои. Немилость, постигшая Салтыковых, была ускорена скандальной интригой, которой они лишили Михаила невесты, выбранной им. Оказывается, сын даже не мог жениться без вмешательства отца.

II. Брак Михаила

Этот эпизод рисует собою интересную картину нравов этой эпохи. В 1616 году молодой царь остановил свой выбор на Марьи Ивановне Хлоповой. Семья этой избранницы принадлежала к ряду приверженцев Романовых. Уже было отпраздновано обручение, и по господствующему тогда обычаю будущая царица переименовала свое имя на имя Анастасии, напоминая жителям московского государства дорогую им память о первой жене Грозного, как вдруг ука-зом об изгнании несчастную молодую отправили в Тобольск вместе с некоторыми ее родственниками.

В чем была ее вина? Она вдруг заболела, сделалась, по свидетельству придворных врачей, неспособной «служить радостям государя», т. е. виновной, раз Провидение считало ее достойной подобной немилости. По тогдашним воззрениям, болезнь считалась Божиим наказанием.

Таково было положение вещей, когда Филарету, вернувшемуся в Москву, вздумалось самому взять на себя разбор дела. Подвергли допросу духовника невесты, и он засвидетельствовал ее полную невинность; другие же указания дали повод патриарху заподозрить неправильность диагноза, по которому осудили царицу. Впрочем, он удовлетворился лишь полуреабилитацией. Хлопову перевели из Сибири, где ей пришлось подвергнуться самым суровым лишениям, в Верхотурье, где она получала на прокормление по десяти копеек в день, а потом отправили в Нижний Новгород.

У отца были другие виды на женитьбу сына. Начиная с 1621 и по 1623 год, он возобновил в Копенгагене и в Стокгольме попытки, в которых в прошлом не было ровно ничего утешительного, и только ряд неудач в этом направлении заставил его вновь заняться этим браком, заключенным и расторгнутым в его отсутствие. Розыск показал, что Салтыковы воспользовались простым расстройством желудка, причиненным невесте царя обильно принятой пищей. Один из них, Михаил Михайлович, только что поссорился с одним из дядей молодой девушки. Как он, так и его братья, подверглись в свою очередь конфискации имущества и ссылке. Но и Хлопова не осталась в Нижнем Новгороде, благодаря настоянию царицы Марфы, употребившей всю свою энергию и влияние для защиты своих родственников против худшего наказания, которым для них было бы торжество их жертвы. Таким образом, семейная идея властно вос-торжествовала над всеми прочими расчетами.

В сентябре 1624 г. Михаил женился на княжне Марии Долгорукой, но потерял и эту подругу спустя несколько месяцев и повел на следующий год к алтарю дочь одного дворянина темного происхождения, Евдокию Стрешневу.¹² Она вскоре подарила ему сына Алексея. Таким образом, право наследства было упрочено за новою династией. Но само наследие все еще являлось ненадежным. Правда, от поляков временно избавились, но зато передали им

¹² См. по поводу этой государыни очерк Милорадовича в «Русском Архиве», 1897 г., т. III и 1901 г., т. I.

ключи от дома, и у этих соседей, ставших еще более грозными, уже намечалась очень опасная для Москвы перемена царствования. Обуреваемый религиозными сомнениями и чувством ревности, Сигизмунд очень слабо поддерживал предприятия своего сына. Он постарел, и его здоровье быстро клонилось к упадку. Не было никакого сомнения в том, что, наследуя своему отцу, Владислав, как человек воинственный и честолюбивый, страстно любящий ремесло солдата, которому он предавался еще с ранней поры, и очень мало религиозный, не преминет отплатить за свои прошлые неудачи. Стараясь женить Михаила в Швеции или в Дании, Филарет, планировавший непрочную еще судьбу молодой династии, мечтал не только повысить ее престиж, но и заручиться опорой против нового врага. Он совершенно справедливо полагал, что московское государство, оставшись одиноким, не может противопоставить ему достаточных сил. Потерпев неудачу в области подобных брачных комбинаций, он все же не оставлял надежды хоть на политический союз, и вполне основательно мог льстить себя надеждой, что встретит в этом отношении меньше препятствий. И в этом споре, ополчавшем друг на друга обе половины славянского мира, сама судьба наталкивала противников на призыв иностранца, и этот иностранец, через сто пятьдесят лет, в самую решительную минуту в самом деле вмешался в их спор – чтобы неправильно его решить.

III. Дипломатическая кампания

И чужеземец был далеко не прочь вмешаться в такое дело. Борясь в Польше и Германии против католической коалиции, Густав-Адольф дважды, в 1626 и 1629 г., не брезговал явиться в Москве умиротворителем. Если он и не думал о русской армии, то все же хотел по крайней мере присоединить к своим знаменам некоторое количество казаков для борьбы с бандой Лисовского, оказывавшего большие услуги имперцам. Посланники шведского короля сильно торопились с заключением союза. Но Москва, отказавшись принять участие в борьбе, раздиравшей всю Европу, сама отказалась от счастья. Как только она отказалась нарушить перемирие с Польшей и открыто вмешаться в военные действия, Ришелье сейчас же создал образец «скрытой войны», вмещающей в себе массу удобств и выгод.

У московского Ришелье, пытавшегося идти подобным же путем, не хватало для этого смелости и решительности. Увильнувшись сначала от этих предложений, он в 1631 году был склонен принять их, однако Густав-Адольф тогда уже заключил договор с Польшей. Тем не менее переговоры продолжались. Швеция уполномочивала для них поочередно случайного дипломата, москвитина Александра Рубца или Рубцова, попавшего к ней на службу после одиннадцатилетнего плена в Польше; потом одного немца, Иоганна Мюллера, который был первым ее постоянным резидентом в Кремле. Отказываясь до сих пор от предлагаемого союза, здесь однако не теряли времени: деятельно готовились к войне и уже говорили о том, что ее необходимо объявить Польше немедленно. Мюллер ответил на это предложением двух шведских полков и просил изволения набрать несколько других среди днепровских казаков. В свою очередь Густав-Адольф рад был воевать под сурдинку. Однако было уже слишком так распоряжаться чужим добром. Днепровские казаки зависели от Польши, которая едва могла держать в руках это буйное братство, все же удерживая его от покушений на измену. Шведские и московские вербовщики были выпровождены, рискуя своею жизнью в подобных попытках, а немного спустя смерть победителя при Люцене положила конец всему предприятию.¹³

Но и стучась при этом в другие двери, московская дипломатия не была удачливее. Еще до Деулинского перемирия она вытянула из Англии заем в 100 000 рублей, превратившийся в 20 000 благодаря мошенничествам посредников. А в 1623 году она хвастливо заявляла, что вовлечет своих кредиторов в обширную антипольскую коалицию, в которой должны были

¹³ Соловьев. История России, т. IV, стр. 179–184.

участвовать вместе со Швецией и Данией также Нидерланды, но добились в результате лишь града унижительных насмешек.

Эта дипломатия шла еще ощупью и легко сбиваясь с плохо проторенных путей. Так, в 1615 году, посылая во Францию Ивана Кондырева, она думала снискать помощь правительства Кончини против Польши и Швеции. Но ни маршал Анкрский, ни его преемники даже не подумали отвечать на подобное предложение; сам Ришелье нисколько не торопился, и только в 1623 году первый француз, предназначенный для вручения слов Всехристианнейшего короля отдаленному северному двору, получил верительные грамоты. То был барон Людовик Де-Курменен из Гааги, сын губернатора Монтаржи. Будучи сначала пажем, потом метрдотелем Людовика XIII, начиная с 1621 года посылаемый для различных поручений в Данию, Германию, Пруссию, этот молодой дипломат – ему было в это время всего тридцать семь лет – кончил плачевно. Страстно честолюбивый он мечтал о месте шведского посланника, которого не получил, ударился в интриги, близкие к государственной измене, и кончил на эшафоте. В Москве он сыграл довольно жалкую роль. Ришелье был не прочь соединить против Польши, союзницы императора, с враждебным им лагерем и московское государство. Но французский посланник неловко ввязался в детский спор об этикете и сделал еще более неудачный шаг, показав, что ему диктовало предложения духовное лицо. Казалось, он исключительно имел в виду организовать исповедание католического культа в столице православия. У него было на уме нечто совершенно другое, но, оскорбляя с одной стороны весьма законную обидчивость, он с другой стороны натолкнулся на стену предрассудков, рутины и частных интересов, обрекавших его миссии на неизбежное крушение.

Ришелье шел всячески навстречу союзникам, которых надеялся заполучить к себе против австрийского дома. Взамен оборонительного и наступательного союза, он требовал лишь экономических сделок, одинаково выгодных обеим сторонам. С одной стороны, Франции улыбалась дорога в Персию, зато московское государство получит возможность непосредственно пользоваться французскими товарами, в которых оно начало понимать толк, тогда как посредники английские, голландские или брабантские наживали на их цене значительные куртажи.

К несчастью, московские купцы все держались за свою персидскую монополию, от которой впрочем не имели большой выгоды, а с другой стороны, коммерческие соперники Франции, вступив в отчаянную борьбу, все соединились против общего врага для защиты приобретенного ими положения. Нидерланды предупредительно согласились бойкотировать польский порт Данциг, они были готовы торговать преимущественно с Архангельском, и польский король потеряет в год до 100 000 экю. Против этой комбинации поднялась английская монополия, но Курменена тем не менее не выпроводили.

Одно время, за неимением лучшего, был уже на пути к осуществлению союз с Данией, и оба правительства уже готовы были обменяться грамотами, как в дело опять вмешался этикет. Ссылаясь на привилегию, приобретенную его шведским соседом острием меча, датский король требовал, чтобы и его имя было написано в трактате прежде имени царя. Это затруднение окончательно сгубило союз, уже наполовину заключенный, и царь, гордясь своим величием и не желая уступить такому ничтожному государю, остался лицом к лицу с «венгерским королем», т. е. сделался жертвою простой мистификации. Этим «венгерским королем» был Бетлен Габор. В Москве не имели точных сведений о путаных спорах этого претендента с австрийским домом, как и о том, выйдет ли он победителем из борьбы, и потому оказали пышный прием обоим его посланникам, случайно бывшим французами: Шарлю де Талейрану, маркизу Асседувильскому, и Жаку Русселлю. Но, постоянно ссорясь друг с другом и обвиняя один другого, они сами дискредитировали свое дело. Маркиза водворили в Костроме, где Габор не мог уже оказать ему никакой помощи, так как скоро умер. Ришелье, казалось, остался равнодушен к аванюре, которой он, быть может, и был чужд, граф Суассонский, желая выручить пленника из этого скверного положения, не был в состоянии в 1632 году придумать другого средства, как

просить вмешательства Карла I и Генриха Нассаусского, но и старания последних при посредстве другого француза, Гастона Шаронского, тоже остались без всякого результата. Только в 1635 году добилось лучшего успеха посольство Людовика XII.

Но Москва все еще не имела союзника в борьбе, которую она должна была считать близкой и неминуемой. Даже от Турции она не могла ничего ожидать. Осман II предложил ей в 1621 г. действовать сообща против Польши, но Филарет не считал себя достаточно подготовленным. Страна после перенесенных страшных испытаний была еще настолько слабой, что даже крымские татары разоряли безнаказанно мелкими отрядами юго-восточные области. Тогда Осман сам предпринял уже один неудачную кампанию. На возвратном пути он был убит своими же янычарами, и Порта, погрузившись в омут внутренних беспорядков, некоторое время оставалось бессильной.

Из Европы московское государство таким образом еще раз было отброшено в Азию. Но и в Персии Аббасу приходилось по временам жаловаться на обращение с его послами. Хотя в Кремле и считали нужным терпеть некоторых иностранцев, их всегда считали или шпионами, или заложниками. На этот счет ни принимались никакие обоюдные отношения. В 1620 году совершенно случайно, посланник царя в Тегеран, Тюхин, услышал в своем присутствии оскорбительные отзывы о своем государе. И ему по возвращении дали за это семьдесят ударов кнутом, жгли его тело раскаленными щипцами, и он должен был считать себя счастливым уже тем, что на всю жизнь был брошен в сибирскую тюрьму.¹⁴

Тем не менее царь и шах оставались добрыми друзьями, и в 1625 году посланник Аббаса, Руссан-бек, вызвал в Москве целую бурю радости, привезя с собою если не средства победить Польшу, то по крайней мере залог такой победы: хитон Господень, найденный в Грузии! Так как подлинность реликвии была доказана происшедшими вокруг нее чудесами, то в Москве надеялись получить от щедрого дарителя более существенную помощь. Но увы! вместо нее князь Григорий Тюфякин привез с собою лишь – прекрасную персиянку, спрятав ее в чомодане.

Тогда в Москве окончательно убедились, что в предстоящей борьбе придется рассчитывать лишь на свои собственные силы, и потому там ясно сознали полную необходимость основательной реорганизации всего военного дела.

IV. Опыт военной реформы

Архаическая как по способу набору рекрутов, так и по своему снаряжению, масса польской армии, состоявшая исключительно из конницы «посполитного рушения», все же заимствовала более выработанные способы боя, взятые из иностранных образцов, или выработанные на месте.

Еще начиная с Батория, придумавшего тактику, доказавшую свое превосходство даже в борьбе со шведами, эту кавалерию сверх того подкрепляла пехота, набранная по большей части в Германии или Венгрии, обученная и вооруженная по европейски и все более и более многочисленная. К чести царствования первого Романова нужно отнести и то, что он вдохновился этим примером и взял на себя инициативу в создании новой русской армии с 1626 по 1632 г.

В то самое время, как им были посланы вербовщики на запад для найма 5000 человек пехоты, для приглашения на царскую службу литейщиков пушек и для закупки оружия, московские солдаты методически обучались иностранными инструкторами. В этом новоиспеченном войске уже фигурировали в первый раз местные всадники, вооруженные по германскому

¹⁴ Соловьев, прив. место, т. IX, стр. 204.

образцу, и местные стрелки, обученные по способу, практикуемому в полках наемной шотландской пехоты.¹⁵

Известно, что во Франции первый опыт организации постоянной армии относится к эпохе Карла VII и уже в XII в. замечается тенденция на западе не брать к себе иностранных наемников. Вступив на путь прогресса, Москва все же, как видно, отстала и, как и во Франции, ее попытка натолкнулась на большие денежные затруднения. Так, в один год от сентября 1632 года до сентября 1633 г. иностранные наемники поглотили 430606 рублей, тогда как для контингента почти в двадцать раз большего из туземной милиции издержки равнялись лишь пятой части этой суммы.¹⁶

Усилия делались чрезвычайные, хотя они и не были немедленно же вознаграждены. Народ, от которого их требовали, казалось, был создан для бесплодных жертв и долготерпения. В том то и состоит заслуга Михаила и его преемников, что они не отошли от раз принятого пути, несмотря на самые расхолаживающие неудачи. Настойчивость среди превратностей судьбы составляла половину гения Петра Великого: его дед, хотя и более скромный, тоже не поддавался неудачам, способным обескуражить самых сильных людей.

Впрочем ни он, ни Филарет, не были в состоянии учесть истинную цену произведенного им нового военного улучшения. Новизна его заставила их ошибиться насчет его значения.

Сначала боясь помериться с Польшею, они теперь стали страстно желать войны с нею и, несмотря на целый ряд одновременных дипломатических неудач, шесть лет от 1626 до 1632 для них были наполнены каким то лихорадочным ожиданием стечения благоприятных обстоятельств для объявления задуманной войны.

По какому-то странному настроению, обличающему как слабость мысли обоих правителей, так и силу их иллюзий, событие, доставившее им этот благоприятный случай, именно первоначально и наполнило их душу страхом. В апреле 1632 года умер Сигизмунд, и хотя Владислав и имел полную возможность неоспоримо наследовать ему, но призрак выборов, предписанных конституционным уложением страны, неизбежное установление междуцарствия, рост сопровождающей его обыкновенно анархии – все, казалось, обеспечивало успех неожиданному нападению. Быстро был созван собор. Он тоже был убежден в необходимости войны и новую армию призвали немедленно доказать свою пригодность.

Но и в самом Московском государстве было немало непорядков. Призванные исполнять главное начальство над армией, князья Димитрий Черкасский и Борис Лыков поступили так же, как это сделали восемнадцать лет тому назад Хованский и Хворостинин. В Москве потяряли ровно два месяца, чтобы уладить их ссору, но не достигнув ничего, стали искать им преемников и остановили свой выбор только в августе на Михаиле Шеине и на Артемии Измайлове. Шеин уже прославился защитой Смоленска против поляков,¹⁷ и был поэтому назначен занять снова это место. В войске, находившемся под его начальством, было 32970 человек и сто пятьдесят восемь пушек, 3667 человек германской или шотландской пехоты и 3330 человек московской пехоты, снаряженной по германскому образцу.¹⁸ К нему должно было подойти значительное подкрепление из милиции, сконцентрированной в Можайске и в других местах.

V. Смоленская катастрофа

Кампания началась блестяще. Захватив последовательно Серпейск, Дорогобуж, Стародуб и другие места, Шеин и Измайлов осадили в декабре Смоленск.

¹⁵ Brix. Geschichte des alten russischen Heeres Einrichtungen, стр. 284, 287, 291.

¹⁶ Миллюков. Государственное хозяйство, стр. 50 л., 64–65.

¹⁷ Смутное время, стр. 393 и сл.

¹⁸ Irix, прив. место, стр. 584.

Однако польский комендант не уступал по мужеству и по упорству своему московскому предшественнику и так долго выдерживал осаду, что Владислав успел за это время добиться избрания, употребить на быстрое вооружение сбережения, оставленная его отцом, вообще отличавшимся бережливостью, и явиться с 23000 армией на помощь осажденным, продержавшимся уже восемь месяцев.

Шеин был храбрым солдатом, но весьма посредственным генералом. Когда польская армия стала маневрировать с целью выбить его из занятой им удобной позиции, он не был в состоянии противопоставить ей никакой оборонительной тактики. В первые дни сентября он допустил ее захватить высоты и господствовать над ним, а в конце месяца она взяла в тылу московского войска Дорогобуж, где у Шеина был обоз. Через еще несколько дней Шеин был уже окружен и остался без провианта и фуража, в то время как польская артиллерия обстреливала его лагерь метким навесным огнем. Это был настоящей прообраз будущих событий при Ульме и Седане.

Развязка впрочем наступила не быстро: восточная медлительность затягивала дело и с той, и с другой стороны. Но в то время как поляки, подражая эпическим военным хитростям Илиады, употребляли переряженных посланцев для сообщения с осажденными, москвитянам стала давать себя знать плохая дисциплина их чужеземных наемников. Шотландец Лесли убил перед всем советом офицеров из пистолета другого полковника, англичанина Сандерсона. Новая военная организация на опыте обнаруживала серьезные недостатки.

В середине января 1634 г. Шеин вступил в переговоры с поляками и капитулировал 19 февраля на условиях, предложенных ему его противниками. Они были суровы и унизительны, но совершенно соответствовали обычаям эпохи, не представляя ровно ничего бесчестного для страны, где существует пословица: «стыд не дым, глаза не выест» и где власти, подчиняя своих подданных унизительному обращению, совсем не развивали у них особенной чуткости в этом отношении. Побежденные оставили врагу весь свой боевой материал вместе со знаменами и торжественно повергли его к стопам победителей.

Филарет уже не был свидетелем поражения, хотя болезнь, обуревавшая его еще до смерти, случившейся 1 октября 1633 года, несомненно находилась в связи с разочарованием, в которое его повергло крушение его смелых планов. Напрасно Шеин ждал обещанного ему подкрепления из Москвы, а Михаил выказал непомерную строгость к старому генералу. Не считаясь с его старыми заслугами, он приказал его схватить и осудить на смерть вместе с Измайловым, а его подчиненных щедро угостить ударами кнута и подвергнуть изгнанию.

Эти репрессии были совсем не справедливы уже, потому, что как ни плачевна была катастрофа, она не имела тех последствий, которых боялись. Еще один раз Польша выказала то радикальное бессилие, в которое ее повергло разложение ее политического организма, бессилие, мешавшее ей собирать плоды побед, доставляемых ей пережитками ее военных доблестей. Победители утомились раньше побежденных, и Владислав, вместо того чтобы идти на Москву, принялся за переговоры.

Договор был заключен в Поляновке, как раз в том месте, где раньше был освобожден Филарет; 17 мая 1634 года согласились на этот раз на условиях вечного мира и в вознаграждение за одну из самых решительных удач, известных в военных анналах истории, Владислав удовольствовался лишь третьестепенным местечком Трубчевском, которое было прибавлено к его прежним приобретениям.

Так как Турция обнаруживала в это время агрессивные стремления, он почитал уже за счастье, что ему таким образом удастся направить на нее все свои силы, а так как финансы его истощились, то ему было в высшей степени приятно получить 20 000 рублей из московской казны. Эта сумма не была упомянута в трактате и король, постоянно нуждавшийся в деньгах, мог употребить их на свои личные издержки. Эти условия содержали вместе с тем его отказ от притязаний на московский трон, после целого ряда тщетных просьб о том, чтобы Михаил сам

перестал приписывать себе титул «государя всея России». Пусть он ставит, «своей России», говорили совершенно справедливо поляки, так как, присоединив к Белоруссии также Красноуруссию, и Малороссию, они наследовали почти целиком вотчину Ярослава и Владимира. Не добившись этого, они довольно бесчестно отказались от возвращения оригинала другого трактата, по которому в 1610 году Жолкевский добыл Владиславу корону, носимую теперь Михаилом. Бумага эта пропала, уверяли они. Таким образом ядро новых близких конфликтов продолжало быть налицо.

В данную минуту в Москве склонялись однако к тому, чтобы избежать всяких конфликтов в области внешней политики, где она пользовалась такою ничтожною удачею. В этой стране уже хорошо освоились с политикой сосредоточивания своих сил. Обострялись отношения с Турцией, благодаря казакам и татарам, сторожевым псам, которых трудно было держать на привязи.

С той и другой стороны сваливали ответственность друг на друга и одинаково плохо верили один другому. К этим иррегулярным войскам относились как к разбойникам, засыпая их однако субсидиями и поощрениями. Донские «бандиты» очень плохо понимали подобную дипломатию и в июне 1637 года, когда для улажения дела условились пригласить представителей обеих стран, они быстро положили конец переговорам, умертвив турецкого посланника, Фому Кантакузена, и захватив Азов после отчаянной рукопашной битвы.

Занятый в это время войною в Персии, султан Мурад принялся тем не менее мстить за это оскорбление, науськав, в свою очередь, крымских «бандитов», которые, начиная с сентября этого года, предавали огню и мечу всю московскую Украину. В мае 1641 года преемник султана, Ибрагим, явился под Азовом с огромною армией, но позорно отступил после двадцати четырех штурмов, отбитых горстью казаков, которым помогали их жены. Тогда опять произошла та же комедия; геройские защитники получили из Москвы поздравления и подарки, но как было упомянуто выше, несмотря на единогласное решение Собора, было постановлено в Кремле эвакуировать это место. Это и было исполнено.

На это решение повлияли известия из Польши. Они заставляли опасаться, что, хотя диадема Рюрика и защищалась, несмотря на катастрофу в Смоленске, с успехом против Владислава, все же она сидит не особенно крепко на голове Романовых.

VI. Появление новых претендентов

Уже в 1619 году поляки упоминали с задней мыслью о сыне Марины, спасенном от смерти. Посланный в Варшаву в 1643 году, под предлогом урегулирования границ, князь Алексей Львов получил поручение собрать об этом сведения и разоблачить субъекта, который, пробыв долго у днепровских казаков под именем Димитрия, пробрался потом в Польшу, выдавая себя за сына царя Василия Шуйского. В Москве ходили слухи, что другая такая же загадочная личность уже пятнадцать лет держится в запасе поляками в качестве предполагаемого претендента и живет в иезуитском монастыре в Бресте.

Объяснения, данные на этот счет Львову, были мало успокоительны. Предполагаемый сын Василия, говорили ему, втерся в дом государственного казначея, Яна Даниловича, велевшего его после опроса избить кнутом и выгнать, причем было неизвестно, что случилось с этим авантюристом. Ученик же брестских иезуитов был простым крестьянином, которого ради простой шутки прозвали царевичем, и он совсем и не думал воспользоваться этим титулом. Продолжая настаивать, посланец получил сведения, что этого крестьянина некоторое время величали сыном Марины. Затем он узнал еще более, обратившись к первому воспитателю мнимого царевича, игумену монастыря в Пинске, Афанасию Филипповичу, будущему ревнителю православия, приявшему потом за него венец мученичества. Воспитанника, отнятого у него иезуитами, по его словам, звали Яном Лубою. Его отец, подляхский дворянин, умер в Москве,

во время польской оккупации и, приведенный в Польшу, был принят лиговским канцлером, Львом Сапегою. Мальчик был очень красив и в самом деле предназначен играть роль претендента.

Дело становилось серьезным, и Львов стал энергично настаивать, чтобы мнимый царевич или был выдан ему, или немедленно казнен в Польше. После целого года утомительных переговоров он должен был удовлетвориться выходом, призванным дать повод к новым осложнениям: Лубу прикомандировали к польскому посольству, которое должно было ехать в Москву, и Львов был убежден, что самозванцу уже оттуда не удастся вырваться.

Он не принял в расчет энергии посланника Гавриила Стемпковского, который, ссылаясь на очевидную невинность своего протеже, человека ограниченного и совсем несклонного к приключениям, был готов защищать его в случае необходимости, даже с оружием в руках. Михаил и его советники совсем не думали доводить дело до подобной крайности, так как их втянули в новую и очень неприятную распрю, а вмешательство Польши только увеличило бы смуту. Они снова необдуманно увлеклись химерой семейных связей на западе, которая, начиная с Бориса Годунова,¹⁹ являлась источником стольких неприятностей. Даже память о них вызывала неприятные чувства. Принужденный сам удовольствоваться для себя более скромными связями, сын Филарета задумал найти более блестящую партию для своей старшей дочери, Ирины, и снова обратил свое внимание на Данию.

VII. Обручение царевны

В 1641 году Михаил принимал датское посольство, во главе которого стоял сын короля Христиана IV. То был принц лишь полуцарственного происхождения, происшедший от мorganатического брака этого государя с графиней Монк. Тем не менее к нему в Москве отнеслись как к сыну королевской крови, решив, что он подходящая партия для Ирины. Принц Вальдемар даже и не мечтал жениться в московском государстве. Он преследовал лишь интересы коммерческого характера, но его искания в этом отношении были отклонены ввиду неудачи, испытанной недавно при аналогичной сделке. Настоятельная нужда в финансах заставила Михаила заключить договор с одной голштинской компанией, которая, за ежегодный взнос 600 000 экю, получила ту привилегию торговли с Персией, которой так тщетно добивалось столько других соискателей. Но она обанкротилась и прекратила платежи. Вальдемар воротился домой ни с чем, но следом за ним были посланы самые искусные дипломаты, которых только можно было найти в Кремле, чтобы добиться согласия Христиана на брак принца с царевной.

Ввиду рисовавшейся блестящей перспективы, король мог считать себя только польщенным подобным ходатайством, но условия предлагаемого брачного союза показались ему неприемлемыми. Вальдемару предлагали переменить веру и по тому приему, который им был сделан, посланники могли понять, как глубоко они оскорбили чувства этого принца, преданного протестантизму. У послов был приказ отказать ему показать «личность», т. е. портрет Ирины. Известно, что в московском государстве этой эпохи, как и теперь еще водится на востоке, супруг может видеть супругу в первый раз, только переступив порог брачной спальни. Москвиты этой эпохи вообще не соглашались позволять рисовать или раскрашивать свои изображения из опасения колдовства. Однако в данном случае никто и не поинтересовался «личностью» царевны.

Михаил заупрямился и при посредстве маклера, жившего несколько лет в московском государстве в качестве коммерческого агента Дании, Петра Марселеса, пошел на уступки: Вальдемару обещали в приданое Суздальское и Ярославское княжества и свободу в деле религии. Христиан, желая устроить сына, польстился на приманку, но на этот раз заупрямился уже

¹⁹ См. Смутное время.

сам молодой принц. Все, виденное им в Москве, совсем не прельщало его вернуться туда, а тем более устроить себе в этой стране постоянное местопребывание. Марселис убеждал его изо всех сил, говоря, что все обойдется благополучно. Он, мол, отвечает своею головою.

– На что мне твоя голова? – возразил ему Вальдемар.

Однако он должен был уступить отцовской воле и, получив самые формальные уверения в уважении к его вере, также как и обещание соорудить храм, в котором он мог бы свободно исполнять предписания протестантизма, он в декабре 1643 года явился на границе своего нового отечества со свитою в триста человек. Он мог лишь похвалиться оказанным ему приемом; только на одной станции любители экзотической роскоши похитили украшения с его кареты. Не успел он водвориться в Кремле, как патриарх Иосиф (преемник Филарета после Иоасафа) поднес ему еще более неприятный сюрприз, просто-напросто пригласив его приготовиться войти в лоно «истинной церкви». Вальдемар указал на условия, заключенные в Копенгагене. Пришлось вмешаться Михаилу. Правда, уговор гласил, что принц сохранит на этот счет полную свободу действий, но отец последнего уже успел написать, чтобы сын его подчинился воле будущего тестя. А воля последнего и заключалась в том, чтобы жених Ирины перешел в православие.

Вальдемар тем менее был склонен последовать такому аргументу, что ему был на руку всякий предлог порвать ненавистный для него союз. Тщетно ему расхваливали прелести царевны. Он мог убедиться в этом только, став ее мужем, и должен был верить на слово, что невеста отменно прекрасна и по своему образованию совсем не походит на других русских девушек. Никогда она не упивается допьяна. Скромная и разумная во всем, всю жизнь она ни разу не была пьяна!

Несмотря на все эти лестные перспективы, мятежный жених боролся пять месяцев, желая добиться отставки. Потеряв, наконец, терпение, он в мае пытался бежать, пробивая себе дорогу со шпагой в руке, но был только избит, убив одного стрельца. Христиан IV снарядил после этого два последовательных посольства, чтобы или добиться совершения брака соответственно уговору, или возвращения принца, но и они не имели лучшего успеха. В дело вмешалась и Польша, боясь распри с Данией, сблизившей бы Москву со Швецией, тщетно также, и Вальдемар пошел на уступки. Он согласился на то, чтобы его дети сделались православными, и обещал соблюдать православные посты настолько, «насколько ему позволит его здоровье». Михаил не хотел ничего слушать и до самой смерти так и не уладил этого дела.

12 июля 1645 года Михаил скончался от разрыва сердца. Единственному, оставленному им сыну, Алексею, было шестнадцать лет.

Царствование первого Романова нельзя причислить к блестящим эпохам истории русской нации, и его личность не фигурирует в ней с особенным блеском. Тем не менее это царствование, благодаря главным образом Филарету, оберегавшему страну от непоправимых катастроф и ведшему ее по пути лучшего будущего, знаменует собою период возрождения, значение которого не оценено достаточно и до сих пор. Оно было во всех отношениях эпохою реставрации.

VIII. Реставрация

Такое определение не преувеличено. Правление Михаила или скорее Филарета, так как и после смерти отца сын лишь шел по его стопам, обозначает прежде всего решительный возврат к традиции в вопросе о верховной власти. Впрочем, аристократия уже была не в состоянии разделять с царем власть по старой официальной формуле, уже достаточно поколебленной Грозным. После опричнины,²⁰ Смутное время довело боярство до полного упадка. Среди

²⁰ См. Валишевский. Иван Грозный.

фамилий, которые могли еще предъявлять свои права на соучастие в правлении, Романовы не имели соперников, Годуновы находились в ссылке, Шуйские и Мстиславские исчезли путем истребления, самые энергичные среди Голицыных только что погибли. Кроме того, события конца шестнадцатого и начала семнадцатого века только ускорили эволюцию, которую можно было предвидеть в этой сфере с самых древних времен. А в середине пятнадцатого века она уже ясно вырисовывалась в недрах образующегося московского государства. Рядом с первыми «собирателями земли русской», их некогда свободные сотоварищи, князья и бояре, не имели уже средств для восстановления прав, постепенно утраченных вместе с их самостоятельностью и состоянием. Последнее уменьшалось благодаря раздроблению наследий, а первую они не могли стойко защитить. Их вотчины, постоянно становились все меньше, вассальные клиенты, когда-то составлявшие их силу, оставляли обедневших сеньоров. За отсутствием майоратов, великий князь московский стал скоро один владеть значительным количеством земель и, распределяя их между своими слугами (служилыми) в виде пожизненных владений чего-то вроде уделов (поместий), один он располагал средствами заставить признать свой авторитет, стараясь, естественно, чтобы у него не было никакого соперника.

Для этих служилых людей вопрос о поместьях, забота добыть и сохранить за собою благоволение их распределителя, царили надо всяким другим интересом. В самый разгар недавнего кризиса обедневшие князья и бояре старались поправить свое положение, навязав хартию Шуйскому. Но, запершись в Москве благодаря восстанию низов, лишенные власти поляками и, наконец, окончательно побитые казаками, они уже были не в состоянии бороться. Честь изгнания поляков и подавления народного бунта выпала на долю хозяев поместий и жителей городов.

Выдвинутые таким образом вперед, оба эти класса могли бы в свою очередь противопоставить всемогуществу государя страшный противовес. Но не говоря уже о том, что кризис, разоряя их, обессилил их временно, они были разъединены, даже враждовали друг с другом. Городскому населению приходилось всегда жаловаться на воевод и старост, теснивших их и ужасно эксплуатировавших. Они могли находить защиту от них лишь у царя, а эти угнетатели выходили как раз из служилых людей.

Благодаря всем этим причинам, молодая династия Романовых, несмотря на свое происхождение и шаткое видимое положение, могла не только поддержать, восстановив вполне, незыблемость самодержавного принципа, но еще и усилить его. Не будучи в состоянии противостоять против растущего превосходства Романовых, старая аристократия могла лишь утешаться ревнивым и угрюмым обереганием единственной оставшейся ей привилегии, брошенной ей как кость голодной собаке – а именно, считаться друг с другом из-за старшинства и первенства. Поэтому, как раз накануне своей отмены, местничество²¹ достигло необыкновенного развития.

Мы уже видели, как во время конфликта с Польшею, претензии на право главенствующего в двух случаях повредили военным действиям. В присутствии государя, вышедшего из второстепенной фамилии, они были причиною постоянно дерзких, но и постоянно бесплодных споров. И такой характер и остался за ними.

Так однажды на придворном обеде один из Романовых, дядя правящего царя, уступил первое место Мстиславскому, а второе место у него уже оспаривал Лыков.

На другое утро, когда государь принимал одного иностранного посланника, рынды, обязанные стоять с топорами у трона, отсутствовали из-за подобного же спора, и метрдотель скорее бы согласился дать отрубить себе руку, чем фигурировать в процессии вместе с камерлакеем, которого он считал недостойным подобного ранга.²²

²¹ Валишевский. Иван Грозный.

²² Соловьев. История России, т. IX, стр. 363, 364, 371. Зарнин в «Архиве исторических и юридических наук», т. III, 1

Чтобы прекратить такие выходки, даже кроткий Михаил не колебался сам прибегать к кнуту, но, соблюдая фамильные интересы, бояре охотно предпочитали смерть оскорблению подобного рода, в силу царящих принципов распространявшегося на все их родство.

Привыкшие к ударам кнута, они боялись гораздо более другого наказания, считавшегося самым строгим из числа употребляемых обыкновенно государем. Виноватый в нарушении правила местничества выдавался сопернику «с головою». То была совершенно детская церемония: обидчик должен был в сопровождении провожатого отправиться к обиженному. Приведенный к нему, он отвешивал глубокий поклон, и уезжал, не имея права сойти с коня или сесть в колымагу во дворе посещаемого им дома, причем вся эта процедура сопровождалась самою грубою бранью.

На деле государи поощряли эти наглые выходки. В них их естественные противники употребляли в дело все то, что им оставалось от прежней силы и престижа. Тяжелое положение Михаила заключалось в другом. Аристократия разлагалась, да и в целой стране было положительно нечем жить. Споря о местах, князья и бояре делали упущения в командовании армиями и в начальстве над крепостями, порученными им, а случалось и так, что не над кем им было командовать. В области Новгорода в 1626 году было еще 2 752 человека способных носить оружие, но в Ладозе их оставалось едва 289, в Порхове всего только 75 и 70 в Старой Русе.

Не было ни солдат, ни денег. Для производства набора и сбора податей, наложенных Собором, были посланы во все стороны бояре с писцами и контролерами или дозорщиками. Они были уполномочены переписать подданных годных для службы и расследовать положение плательщиков податей, упорядочивая распределение поместий и устанавливая правильную раскладку налогов. Увы! всеобщий беспорядок, подкупность, приставленных к этому делу чиновников и истощение страны обратили в ничто эти попытки, сделали недействительными расчеты и самые суровые репрессивные меры. Так, один сборщик, посланный в Белозерскую область, оправдывался следующим образом: побивая кнутом чуть не до смерти упорных должников, он некоторое время держал их начеку, но уже ничего не мог поделать, когда появились поляки, даже кнут не давал уже ровно никаких результатов.²³

Почти в таком же положении находилась Франция после религиозных войн.

До приезда Филарета правительство Михаила было бессильно бороться с такими трудностями. Но в этот момент, к счастью, почувствовался импульс, более энергичный и более искусный, в области внутренней политики.

IX. Реорганизация администрации

Уже в июне 1619 года Собор должен был принять ряд важных решений: установление нового инвентаря земель, обремененных налогами, чтобы собрать более или менее оправдываемые опустошениями войны недоимки; меры для возвращения бежавших плательщиков (тяглых), преследование за злоупотребления властью, совершенные «служилыми людьми» в качестве чиновников всякого рода. Создание специального департамента прошений (буквально, жалоб против сильных людей, «приказа, что на сильных людей челом быют») – кажется явилось результатом этой инициативы.

В то же самое время сознали необходимость установить правильную государственную роспись доходов и расходов, и Москва таким образом получила свой первый бюджет.

По поводу же злоупотреблений чиновников было приказано сделать розыск в связи с одновременно выплывшей задачей фундаментальной реорганизации всей провинциальной администрации. Слабость контроля свыше и отсутствии внизу сильных местных коллекти-

часть, стр. 21.

²³ Соловьев, прив. место, т. IX, стр. 391.

вов отдавали беззащитных, ими управляемых, людей полному произволу представителей центральной власти, изощрявшихся в невероятных выходках насилия. Как впрочем и во Франции, да и в других странах Европы, несмотря на уже ярко выраженную централизацию, административная организация не отвечала никакому однообразному типу. Чтобы уменьшить злоупотребления, Иван IV дал полномочие иным обществам самим избирать себе правителей.²⁴

Но этот зародыш самоуправления не имел общего применения. В силу ли своей беспечности, или по недоверию, общины местами сами уклонялись от этой своей пользы и, отдав среди кризиса главенство военной диктатуре воевод, избранные власти почти отсутствовали, особенно пострадала их уголовная юрисдикция, выполняемая губными старостами.

Отсюда усилились беспорядки и лихоимство, особенно в отдаленных местах. Так, в Мангазее в Сибири двое воевод, Андрей Палицын и Григорий Кокорев, запятнали себя целым рядом гнусностей, причем один из них отличался тем, что прикарманивал подати, собираемые под аккомпанемент палочных ударов, а другой заставлял своих подчиненных пьянствовать ежедневно в его собственном кабаке. В 1621 году был послан общинам циркуляр, запрещающий вымогать магарычи и неправильную барщину, но результат можно было заранее предвидеть, и в 1627 году поворот в сторону политики «Грозного» усилил власть губных старост, так что в их руках теперь сосредоточилось постепенно все местное управление.

К несчастью помощь со стороны заинтересованного населения отсутствовала еще. Некоторые области и города, как и раньше, мешкали приступить к подобной организации, другие гнушались ее, утверждая, как это было с Дмитриевым и Кашиным в 1644 году, что администрация воевод лучше. На деле, собственно говоря, свободный выбор властей был почти фиктивным в большинстве случаев, отчасти потому, что центральная власть вмешивалась и нарушала принцип этого института, отчасти потому, что сами избиратели были неспособны им воспользоваться. Такое явление имело место и в более близкую от нас эпоху, и в конце концов воеводы одержали победу. Во всех странах, где пустил корни деспотизм, он достигает наибольшей силы и прочности существования, отнимая у подчиненных вкус к свободным нравам, как и необходимое умение воспользоваться последними.

Центральная администрация не могла похвастаться последовательностью в этом отношении. Ей самой было необходимо реорганизоваться, и хотя Михаил и Филарет во многих отношениях столкнулись с совершенно новым положением дел, они тем не менее не замыслили сыграть в этой сфере роль новаторов. Обычную их заботой являлось привести все в порядок, и им казалось наиболее отвечающим этой цели приложение старых формул даже там, где они видели развитие в политической, экономической и социальной жизни страны. Они совсем не коснулись Приказов, удовольствовавшись лишь умножением числа этих учреждений путем их расчленения и специализации их в каждом отдельном департаменте той или другой группы дел. Эта мера увеличила кадр чиновников, уже установленный ранее.

Таким образом, впрочем, и в наши дни еще, в других странах, зарождаются новые министерства.

Но какова бы ни была административная организация Московского государства, местная или центральная, она, сохраняя как организация фискальный классовый характер, породила и другие затруднения. Классы чувствовали на себе общее расстройство. С этой стороны задача разрешения кризиса сводилась к двум различным целям; к правильному распределению территориальных назначений между «служилыми людьми» и к установлению правильных отношений между этими владельцами земли и работниками на этой земле – крестьянами. Большое число служилых не имело с момента кризиса никакого надела; большое число наделных земель было обращено в пустыню, что для их владельцев было равносильно их отсутствию;

²⁴ См. Иван Грозный.

наконец большое число казенных земель и других, подчиненных цензу, «черных земель», произвольно были обращены в свободное владение.

Вот на этот-то последний пункт, особенно, конечно, чувствительный с точки зрения интересов государства, и были главным образом обращены усилия Филарета. Известно, как в Швеции, почти в ту же эпоху и при почти тождественных обстоятельствах, «редукция», внезапно произведенная Карлом XI, привела в борьбе, разгоревшейся по этому поводу между государем и дворянством, к временно полному триумфу абсолютизма. Не приняв такой насильственной формы, труды московской ревизии, произведенной от 1629 по 1636 г. и кончившейся изданием постепенно принятых мер (Поместное Уложение), однако имели аналогичную цель.

Х. Социальная и экономическая эволюция

Результаты получились не совсем удовлетворительные. Еще в 1633 году дворяне московской области заявили, что не в состоянии «служить» против поляков, — одни, потому что не имели земель, другие, хотя и владели землями, но не находили в достаточном количестве крестьян для их обработки. Но каково должно было быть их достаточное количество? На этот счет получалась огромная разница благодаря противоречивым оценкам. Пятнадцать на долю среднего размера, объявлял Собор в 1633 году; пятьдесят! возражали им заинтересованные лица на собрании в 1664 г. В ожидании, когда спор будет окончен, был издан закон 1642 года, по которому возобновился кодекс 1550 года, направленный против служилых людей, которые, желая освободиться от своих обязательств, добровольно обращали себя в крепостных!

Обусловливая существеннейшим образом его экономическое положение, вопрос о рабочих руках имел для этого класса огромную важность, но в этом было заинтересовано не менее того и государство, так как оно не могло быть обслужено, если его слугам нечего было есть. Безжалостный закон о рабстве, крепостное право, был результатом этой дилеммы.²⁵

Некоторые крестьяне, кажется, с этой поры потеряли право добровольно покидать земли, на которых они были водворены, сделавшись таким образом *glebae adscripti*, рабами на деле, если не по названию. Другие продолжали продавать свой труд собственникам по собственному выбору, хотя невозможно определять с юридической стороны, основания этого различия. Как и в предыдущем веке,²⁶ этот факт создавался целым рядом сложных причин, среди которых — главное место занимали денежные отношения действующих сторон. До Бориса Годунова крестьянин, оставивший землю, обработанную им для другого, уже мог быть приведен к нему силою, если до того, как уехать, он не позаботился уплатить авансы или другие долги собственнику. Во время же смуты, благодаря нищете, произведенной ею, эти случаи стали умножаться и в то же время участились захваты крестьян одного собственника другим. Часто, желая укрыться от ответственности, земледельцы, побуждаемые жаждой перемены мест, давали себя похищать. Совершенно естественно, что обиженные собственники имели право требовать назад то, что они считали своим имуществом, и вначале неограниченное, потом урезанное в 1597 г., снова расширенное в 1615 г. и в 1637 г. к выгоде определенных категорий заинтересованных лиц, это право, таким образом признанное законом, было обобщено в 1641 г., но ограничено периодом в пятнадцать лет.

Было ли это то крепостное право, какое мы знаем? Безусловно нет, как и то, что Борис не закрепил его путем изданного им указа 1597 г., который, хотя и служил объектом особенной ненависти, но преследовал совершенно иные цели. Остались крестьяне, свободно располагавшие своим трудом по истечении срока временно ими заключенного контракта или за отсут-

²⁵ Платонов. Лекции, стр. 276; Лаппо-Данилевский. Организация прямых налогов, стр. 135 и след.

²⁶ См. Валишевский. Смутное время.

ствием контракта, вписанного в Писцовые Книги. Но постепенно собственники взяли себе привычку отказываться подписывать контракты, если они не были заключены на вечные времена, и ввиду общей нужды эта привычка обратилась в правило.

Оброчные крестьяне «черных земель» временно избавились от этой западни, но вскоре громадное количество всевозможных податей разредело этот элемент, и круговая ответственность общин, та круговая порука, которая еще в наше время возбуждает столь справедливые нарекания, привело к тому, что вызвала среди них общее движение под знаком «спасайся, кто может». Но куда можно было спастись? Удавалось лишь убежать к соседнему собственнику, всегда готовому поймать перебежчиков в петлю рабства по контракту.

В то же время увеличивались случаи уступки и продажи безземельных крестьян. Закон не легализовал эти акты, но он разрешал собственнику земли, на которой крестьянин был убит другим владельцем, требовать возмещения натурой, голову за голову, и можно себе представить, каким произвольным толкованиям подвергался этот узаконенный компромисс, сначала в обычаях, потом в законодательстве страны, где, смешиваясь с интересами государства, выгода охотников за рабочими руками требовала больших уступок.

Эти факты, вместе с их последствиями, не свойственны исключительно московскому государству, история этой страны от шестнадцатого до семнадцатого столетия воспроизводит по большей части те экономические и социальные явления, которые дали на западе, после вторжения варваров, аналогичные последствия. В этом отношении средние века просто лишь чрезвычайно долго продолжались в империи царей. И эта особенность представляет собой не единственное явление, возбуждающее удивление историка.

Наряду с таким положением крестьян, толкавшим последних к тяжелому будущему, в силу государственной необходимости, в нашем современном мире заменяющей древний фатум, – выросла также потребность обратить внимание реставрирующего правительства на условия жизни городского населения. Юридически, в первой половине семнадцатого столетия, сельчане и посадские кажутся смешанными до такой степени, что их было почти невозможно отличить одних от других: движение и тех и других из города в деревню и обратно, от торговли и промышленности к полевым работам или в другом направлении, было свободно, – и одно только распределение налогов устанавливало между ними чувствительное различие. Крестьянин платил за обрабатываемую им землю, а горожанин – за дом или за занимаемый им двор. Но во многих городах в эту эпоху не было посадских. В Алексине, например, в 1650 г. воевода мог указать лишь одного жителя такого рода, да и тот уже умер.

Еще ужаснее, чем деревни, города ощутили на себе влияние Смутного времени и, прибавляя к создавшемуся положению нищеты и ужаса свое разрушающее действие, последние усилия умирающей фискальной системы, умножающиеся злоупотребления жадной и продажной администрации, умножение монополий и привилегий, довели городское население, даже в самой Москве, до 33 %.

Продолжая еще несколько колебаться и испытывая некоторое раскаяние, Михаил и Филарет должны были все же остаться верными политике паллиативов, которые в обмен на очень проблематичные, как это указывает контракт, заключенный с Гольштинской компанией, выгоды, – отдавали страну на эксплуатацию иностранцам и тем ставили препятствие ее свободному развитию. В принципе обращение к этим экзотическим пособникам имело свое оправдание: они единственные в то время были способны оценить или даже открыть источники, которые были недоступны туземцам или даже не подозревались ими. Но в самом управлении протектируемых таким образом предприятий господствовали ничем не оправдываемые порядки. Одна оружейная фабрика, существовавшая в Туле с шестнадцатого века, уполномочила в 1632 г. голландца Винниуса, ставшего позже компаньоном Марселиса, устроить там отливку пушек и ядер. Оба эти иностранца тотчас же выписали из-за границы огромное количество литейщиков. В 1630 г. другой иностранец, Фирмбранд, фабрикант бархата, был упол-

номочен набрать на западе годных для этого рабочих. В 1631 году дали субсидии англичанину Франку Гловеру на устройство фабрики бриллиантовых и золотых вещей, где участвовал, случайно, один только русский, Иван Мартынов.

Таким образом покровительством пользовались военные мастерские и мастерские по приготовлению предметов роскоши, а после смерти Филарета, соблюдавшего на этот счет некоторую предусмотрительность, широко и нерасчетливо открылись двери вторжению западничества, больше эксплуататорского, чем на самом деле продуктивного или полезного. Михаил окружает себя врачами, аптекарями, окулистами, алхимиками, фабрикантами музыкальных инструментов чуть не всех стран. Одному голландскому мастеру, Мельхарту, он заплатил 2 676 рублей за музыкальный инструмент, «заставляющий петь птиц». И хотя швед Кристлер принялся строить каменный мост через Москву реку, а его соотечественник Коэт заслужил одобрение устройством стеклянного завода, как и Фирмбранд, устроивший дубильню шкур, хотя даже русский Христофор Головьев занимался с некоторым успехом работами по гидравлике – все же официальное предпочтение отдавалось рабочим по металлу и искателям драгоценных минералов. Тщетно англичанин Картрайт делал изыскания в окрестностях Москвы; в 1642 году германские изыскатели также потерпели фиаско в окрестностях Твери, и хотя участие в этом принял русский, Борис Репин, но ничего не было сделано для того, чтобы эти экзотические предприятия имели значение.

Города оставались почти чужды развивавшемуся таким образом промышленному или торговому движению, и правительство, не пытаясь их приобщить к нему, совсем не заботилось о том, чтобы дать прочное существование неустановившимся элементам, составлявшим их население. Когда в Москве основалась довольно многочисленная иностранная колония и стала процветать, ее промышленная и коммерческая монополия подвергалась лишь самой слабой конкуренции со стороны свободных деревень (слобод), очень увеличившихся в числе, благодаря ничем не оправдываемым привилегиям, на земле монастырей.

Эти последние были вторым убежищем, которым отдавали даже предпочтение ушедшие из податных обществ; часто и сами склонные к подобным занятиям, последние очень страдали от этих побегов. Произошло то, что деревни, свободные от податей, «белые», как их тогда называли, прямо способствовали уничтожению податных или «черных» деревень и городов, подпавших под ценз. Купив себе двор «черной» деревни и поселившись там, обитатель «белой» деревни вносил в это новое местопребывание свой личный статут и «обелял» приобретенное им жилище. С него тогда снималась та часть налога, которой он подлежал, и переносилась на основании круговой поруки на другие дворы общества.

А вот еще черта, ярко рисующая печальное положение общества, вынужденного прибегать к таким мерам.

Читатели, следившие за автором исследования, уже знакомы с телесным наказанием, носившим название правежа и практиковавшимся в этой стране по отношению к должникам: так назывались удары палками по голням, производимые по несколько часов в день и в течение нескольких недель перед зданием суда. И вот неоднократно бывали случаи, когда даже состоятельные должники предпочитали скорее подчиниться подобному наказанию, чем исполнить свои обязательства. В 1628 году в дело вмешался закон, ограничивавший одним месяцем употребление правежа, причем вознаграждение кредитора уже производилось теперь из имущества задолжавших ему лиц.

Правительству Михаила и Филарета пришлось заняться мелочами хозяйственной жизни страны, вплоть до проверки, в 1626 г., веса и качества калачей, назначенных к потреблению. Но с этой эпохи московская политика стала слишком экстенсивной для того чтобы удовлетворять даже элементарным потребностям интенсивной культуры в постоянно расширяемых границах слишком обширной территории. В то самое время, когда она уступала Польше некоторые из своих наиболее населенных областей, которыми она владела, империя царей взамен

этого аннексировала в Азии 140 000 квадратных лье пустырей, причем казаки заходили все дальше, достигая границ Китая в своих смелых набегах. Отброшенная с запада сопротивлением более высокой цивилизации, Москва распространила на восток свою колонизаторскую силу, но, как и должно было ожидать, элементы культуры, заносимой ею в сибирские тундры, были очень сомнительного качества, и колонии, созданные на окраинах империи, сделались заодно, как аренами смелых предприятий, так и школою самых прискорбных пороков.

Грубые и полудикие колонизаторы этой эпохи, в суровой борьбе, в которой они ежедневно ставили на карту свое существование, находясь в постоянном опьянении неограниченной властью, проводили в жизнь некоторые обычаи, которые до сих пор еще тяготеют над судьбами их страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.